

Е. С. Маслов

ОТНОШЕНИЕ К ВЕЩИ В ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОМ МИРОВОСПРИЯТИИ

Окружающие человека в течение всей его жизни материальные предметы с их функциональностью и знаково-символической нагруженностью воспринимаются человеком по-разному в разные периоды его жизни, в разных условиях, в разных ситуациях. Одно из самых существенных преобразований, какие только могут произойти с отношением к вещам, связано с ситуациями, в которых на первый план выходит восприятие мира в эсхатологическом ключе.

Эсхатология – явление религиозного сознания, присущее в той или иной форме всем крупнейшим религиям. И в богословии, и в массовых религиозных верованиях эсхатология играла большую роль на протяжении многих веков существования христианства, мусульманства, иудаизма, буддизма, находя отражение, в числе прочего, в политической жизни большого количества народов мира. Суть эсхатологии заключается в вере в грядущее финальное¹ преобразование мира, всеохватывающее, катастрофическое, вместе с тем очищающее мир от зла и переводящее его в новое состояние, лишенное зла. Все происходившее и происходящее окрашивается в эсхатологическом мировосприятии в совершенно новые краски, переоцениваясь с позиций такой перспективы существования человечества.

Первое, что можно отметить касательно изменения отношения к вещи в указанном ракурсе, это обесценивание привычных ценностей, воплощением которых являются вещи. Апостол Павел провозглашает: «Я вам сказываю, братия: время уже коротко, так что имеющие жен должны быть, как не имеющие; и плачущие, как не плачущие; и радующиеся, как не радующиеся; и покупающие, как не приобретающие; и пользующиеся миром сим, как не пользующиеся; ибо проходит образ мира сего» (1 Кор 7:29 – 31). Тексты Нового Завета во многих местах проникнуты духом актуальной эсхатологии, то есть эсхатологии, нацеленной на то, что финальное преобразование мира очень близко и свершится уже при жизни живущих на тот момент людей. Материальная сторона бытия человека – это то, что останется по сию сторону преобразования и его не перешагнет.

¹ Для буддизма и индуизма это завершение не мировой истории вообще, а лишь одного из этапов в череде бесконечных повторяющихся циклов.

Но не только идея недолговечности материального перед лицом конца существования этого мира прослеживается в процитированных строках. В преддверии ожидаемого преобразования особо острым оказывается нравственное требование Евангелия оставить служение «этому миру». Противопоставление духовного материальному как связанному с грехом, выносящее приговор материальному, в христианстве принимает четкие очертания, начиная с первых же шагов этой религии. Данное противопоставление, по мнению ряда авторов, в христианстве играет более важную роль, чем, например, в иудаизме (хотя в целом эта оппозиция важна не только для христианского миропонимания). Так, Р. Хейз пишет об идее обесценивания материальных, земных, посюсторонних ценностей (включая обесценивание земного величия Мессии) как об одной из центральных идей в проповедях Иисуса Христа². Следование ценностям, связанным с материальной сферой, как правило, подозрительно для раннехристианского сознания. Противопоставление духа и плоти, важное и вне эсхатологического контекста, обостряется в ситуации напряженного эсхатологического ожидания. Как же должен вести себя человек, ожидающий конца света и при этом стремящийся воплотить в жизни христианские нравственные требования? Он не должен *служить* материальной вещи, работа на материальную сторону жизни будет для него чем-то вроде уступки временно продолжающемуся посюстороннему его существованию. Но все устремления уже не здесь. Материальная вещь, таким образом, отрицается в эсхатологическом сознании раннего христианства двояко: как нечто, чьи дни сочтены и что будет заменено чем-то более ценным, и как источник соблазна служить не тому, чему надо служить.

Вместе с тем следует помнить о том, что предвещаемое эсхатологией различных религий преобразование мира имеет характер катастрофы. В другой работе мы подробно анализировали механизмы эсхатологического сознания, позволяющие «смягчить» ужас ожидания эсхатологических бедствий³. Одним из таких механизмов является акцентирование представлений, согласно которым катастрофа не коснется носителей истинной веры, а обрушится лишь на головы их религиозных, социальных, политических антагонистов. Тем не менее, в числе важнейших элементов грядущей катастрофы – разрушение сферы быта человека, и, хотя главные наказания должны понести грешники и иноверцы, все же нельзя не увидеть в этом подлинно ужасную для религиозного сознания черту эсхатологии. Например, в текстах Ветхого Завета среди описаний предвещаемых пророками бедствий (в основном адресованных гонителям «избранного народа») часто встречается образ разрушения или опустошения жилища: «Ибо укрепленный город опустеет, жилища будут покинуты и брошены, как пустыня» (Ис 27:10). Можно указать также на картины гибели объектов сельского хозяйства, жизненно важных для человека. Гибель материального мира грозит людям

² Хейз Р. Этика Нового Завета. М., 2005. С. 106-117 и др.

³ Маслов Е. С. Порождение и концентрация смысла истории в эсхатологическом мировосприятии // Ученые записки Казанского университета. 2007. Т. 149. Кн. 5. Серия «Гуманитарные науки». С. 146–159.

разрушением их повседневной среды обитания. Так как катастрофы, должны предшествовать концу света, в эсхатологии видятся обычно более или менее растянутыми во времени, они, так или иначе, грозны для всех, кто окажется на тот момент в числе живущих, и угроза не в последнюю очередь касается как непосредственно телесности, тела живого человека, так и ближайшего окружения этой телесности, условий ее нормального существования, представленных материально-вещной средой жизни человека. Эсхатологические пророчества подчеркивают болезненный отрыв человека от этой среды в ситуации апокалиптических бедствий: «... и кто на кровле, тот да не сходит взять что-нибудь из дома своего; и кто на поле, тот да не обращается назад взять одежды свои» (Мф 24:17-18). Данная угроза лишает человека привычной опоры и укорененности и заставляет, помимо прочего, вспоминать о духовных ценностях, в чем религиозные проповедники видят немалое значение обращения к эсхатологическим пророчествам священных писаний.

Следующий аспект отношения к материальной вещи в эсхатологическом сознании связан с тем, что М. Элиаде называет оппозицией «священного и мирского»⁴. Священное в жизни человека неизбежно представлено через материальные объекты, часть из которых – в первую очередь предметы культа – и создаются специально для отображения священной грани бытия. В ситуации эсхатологического ожидания все те многообразные пути, которые через материальный предмет вводят человека в пространство священного, приобретают особую значимость. Не находя в своем опыте того, что могло бы быть соизмеримым с грядущим вселенским преображением, человек обращается к тому опыту прикосновения к священному, который ему доступен, и сакральное измерение окружающих человека вещей становится каналом приобщения не только к священному вообще, но и к ожидаемому грядущему совершенному миру. Тот же апостол Павел, по словам которого ввиду близкого конца мира «пользующиеся миром сим» должны вести себя «как не пользующиеся», уделяет внимание такой важной для всех религиозных культов стороне жизни, как правильное отношение к еде (что и как можно или нельзя есть). Здесь еда уже не принадлежит уходящему миру, она вовлечена в выстраивание внутреннего пространства человека – выстраивание правильное или неправильное, губельное. Интересно подчеркивание Павлом того, что еда может иметь значение для души не сама по себе, но лишь когда в деле замешана «совесть»: «Пища не приближает нас к Богу: ибо едим ли мы, ничего не приобретаем; не едим ли, ничего не теряем. Берегитесь однако же, чтобы эта свобода ваша не послужила соблазном для немощных» (1 Кор 8:8-9) – речь идет о проблеме отношения к идоложертвенной пище. Вместе с тем граница между «правильным» и «неправильным» пролегает не только в обращении с едой; трудно указать на такой материальный предмет, который ни при каких обстоятельствах не может быть вовлечен в важные для духовной жизни аспекты взаимодействия человека с

⁴ См.: Элиаде М. Священное и мирское. М, 1994.

внешним миром. Так определенные грани существования материальных вещей избегают описанного выше «отрицания» эсхатологией.

Как уже говорилось, предметно-вещное окружение человека может обесцениваться при ожидании близкого финала существования мира. История христианства знает достаточно примеров, когда люди в массовом порядке прекращали заботиться о материально-бытовой стороне своей жизни или же вовсе покидали свои дома и прочее имущество, воодушевленные (и/или напуганные) очередными расчетами конца света. Приведем один из таких примеров, интересный тем, что в нем явно видна оппозиция «сакральное – мирское» в отношении к материальному. Во времена раннего христианства в Сирии имел место случай, когда «... под влиянием агитации епископа, предвещавшего конец света, люди бросали свое имущество и уходили в горы "навстречу Христу"»⁵. Конец света, как подчеркивает Новый Завет, будет означать полное преображение всего мира: «И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали...» (Откр 21:1). Вместе с тем грядущее пришествие Христа изображается в Новом Завете в привычной системе пространственных координат, и в ней Христос появляется сверху, его второе пришествие связано с небом: «... и тогда восплачутся все племена земные и увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках небесных с силою и славою великою...» (Мф 24:30). Бегство в горы при появлении знаков конца мира рекомендует своим ученикам Христос (Мф 24:16). Таким образом, получается, что не все материальные объекты мира и не все места в этом мире окажутся в одинаковом положении в судный день (или непосредственно перед ним), и перемещение в определенном направлении по этому уже обреченному миру еще будет иметь смысл: например, в выделенном положении в эсхатологическом сознании оказываются горы. Другим таким выделенным участком пространства оказывается церковь, где люди проводили подчас длительное время в ожидании конца света⁶ – еще одно яркое подтверждение значимости оппозиции «священное – мирское» для эсхатологического мировосприятия.

Не следует забывать, что народное сознание рисовало себе грядущие апокалиптические события не столь абстрактно, как богословская мысль, а более предметно-чувственно. В эсхатологии буддизма предстоящее преображение мира предстает не столь абсолютным, как в христианстве, и вместе с тем, как и в христианской эсхатологии, присутствует мотив финальной битвы сил добра и зла. В этой связи интересны свидетельства Н. К. Рериха об отдельных проявлениях эсхатологического сознания некоторых азиатских народов. Он приводит значительный собранный им за время экспедиции 1923 – 1928 гг. материал по эсхатологическим воззрениям народов Центральной Азии, образ жизни и культура которых практически не изменились к тому времени со средневековья. Из свидетельств ученого видно, в частно-

⁵ См.: Ранович А. Б. О раннем христианстве. М., 1959.

⁶ Там же.

сти, сколь высока была на начало XX в. распространенность и напряженность эсхатологических ожиданий среди самых разных народов данного региона – в основном исповедующих буддизм, но также и среди мусульман и индусов⁷. В частности, вождь карашарских калмыков говорит Н. К. Рериху в частной беседе, что для последней битвы его народ не пожалеет коней, и сами люди готовы принять участие в этой битве: «Все всадники будут на конях, когда Благословенный Ригден-Джапо пожелает иметь их»⁸. Вообще, чем более соразмерным человеку и открытым для его участия видится грядущее преобразование мира, тем больше материально-вещных элементов оказывается значимым на пороге этого преобразования. Можно вспомнить в данной связи о восстании крестьян под предводительством Томаса Мюнцера в Германии XVI в. или об отдаленных от них географически, хронологически и культурно народных религиозных движениях средневекового Китая: их объединяет мнение о возможности участвовать в эсхатологических событиях посредством вооруженной борьбы. Неудивительно, что в настроенных бунтарским образом китайских народных религиозных движениях большое значение уделялось боевым искусствам⁹, которые, что очевидно, включают в себя техники обращения с материально-вещным окружением человека.

В проделанном нами кратком анализе проблемы можно выделить элементы амбивалентности в отношении к материальным вещам с позиций эсхатологического сознания. Здесь, в свою очередь, сказываются различные аспекты амбивалентности, которые заложены в самой эсхатологии. Это, например, двойственность в оценке грядущего преобразования мира (как катастрофы и как перехода в идеальное состояние), непроясненность характера самого этого преобразования, различные трактовки возможности участия в нем человека. Несомненно, для различных религий различными окажутся и многие детали рассматриваемого вопроса. Вместе с тем сходство базовых положений эсхатологических учений разных религий позволяет найти некие общие черты осмысления в этих учениях материально-вещной среды человеческой жизни, ее взаимодействия с человеком в «последние дни» существования мира.

⁷ Рерих Н. К. Сердце Азии. Минск, 1991. С. 55-95.

⁸ Там же. С. 75. Ригден-Джапо – один из центральных эсхатологических персонажей ряда народов Центральной Азии, должный возглавить силы Добра в последней битве.

⁹ Поршнева Е. Б. Народные религиозные движения в средневековом Китае // Общественные движения и их идеология в добуржуазных обществах Азии. М., 1988. С. 68-69.